

социокультурная реальность, существующая и развивающаяся по имманентным ей законам. Соответственно, происходит дифференциация наук на науки о природе и науки о культуре (о духе), с характерными для них принципами и методами познания.

Третий этап развития обществознания, который можно назвать неклассическим, приходится на большую часть XX века. В этот период истории науки происходит эскалация наметившегося на предыдущем этапе и приобретшего теперь отчетливо выраженный характер размежевания наук о природе и наук об обществе. Это во многом связано с тем, что ученые-обществоведы, наконец-то обрели собственную методологию познания социума, основу которой составила герменевтика, что позволило им преодолеть своеобразный «комплекс методологической неполноценности», которым до этого страдали науки об обществе и его культуре. Вместе с тем, сознавая исключительно большое значение знаний о человеке, обществе, культуре в отличающемся историческим динамизмом и трагизмом XX веке (не случайно названном О. Манделштамом «веком-волкодавом»), ученые-гуманитарии зачастую увлекались детальной разработкой специализированных проблем обществознания. Ими был сделан крен в другую сторону – сторону абсолютизации роли как самого обществознания, так и его методологии в науке.

Вместе с тем, в этот же период интенсифицируется еще один наметившийся ранее дифференциальный процесс. Речь идет о разделении самих наук о человеке и обществе на социальные и гуманитарные, которые характеризуются наличием специфического предмета познания и собственными приоритетными методами исследования. И хотя, как было принято считать, эта дифференциация является достаточно условной, она принималась в качестве отличительной особенности социальных и гуманитарных наук.

Наконец, на современном, *четвертом этапе* развития обществознания, начало которого относят к последней четверти XX века, все более востребованной и заметной становится тенденция к сближению, как, с одной стороны, социальных и гуманитарных наук (что означает восстановление единства социально-гуманитарного знания), так, с другой стороны, обществознания и естествознания.

Происходящие интегративные процессы в науке проявляются в различных формах: в трансляции теоретических моделей в новые области науки, в появлении новых междисциплинарных областей знания, но, пожалуй, наиболее отчетливо, – в возникновении и эффективном использовании междисциплинарных технологий познания. В этой связи сошлемся на заимствованную из нелинейной термодинамики и весьма эффективно используемую в современном обществознании методологию синергетизма. Эта ссылка тем более показательна, если учесть, что первое издание на французском языке ставшей ныне широко известной, даже «знаковой» для современной науки, книги И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса», – «Новый альянс». Этим названием авторы хотели зафиксировать наметившуюся интеграцию естественных и социально-гуманитарных наук, предвидя в ней важную роль синергетического подхода.

Тем самым, в анализе процессов становления и развития социально-гуманитарного знания продуктивным оказывается компаративный подход, выполняющий функцию своеобразной исследовательской парадигмы, получившей широкое распространение в современной науке. Его использование дает возможность расширить спектр наших представлений как о тех чертах обществознания, которые являются специфическими для него, так и о тех, которые являются общими с естествознанием, изучающим особенности бытия объектов живой и неживой природы.

ДИСКУРС КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.Н. Яхно

Современный мир – мир информации, потому слово, фраза, любой информационный символ играют чрезвычайно важную роль в любой области жизнедеятельности общества, будь

то наука, политика или мораль. Поэтому понимание дискурса, объективирующего наиболее значимые моменты нашей жизни и истории, активно исследует современная философия. Так, П. Рикёр утверждает: «только в дискурсе язык реализует свою способность к соотнесению. Говорить, значит говорить что-то о чем-то». Дискурс представляет собой действие, выбор, «посредством которого выбираются одни значения и отвергаются другие... Изречение есть актуальное событие, акт перехода, акт исчезновения...» [1, с. 134].

Существуют различные значимые дискурсивные формы. Так, мифический дискурс дает оценки определенных действий. Религиозный дискурс фиксирует модель поведения, доминирующую в общей личностной ориентации, на основании чего оценивается поведение конкретных людей. Научный дискурс нацелен на получение истинной информации. Моральный дискурс оценивает действия с точки зрения предпочтения. Психологический дискурс может оценить степень адекватности, а то и безумия человека. Например, по мнению М. Фуко: «Язык есть начальная и конечная структура безумия. Он – основополагающая форма безумия, он служит основой для всех циклов, через которые оно высказывает свою природу. Тот факт, что сущность безумия можно, в конечном счете, свести к простой дискурсивной структуре, отнюдь не придает ему чисто психологической природы, но наделяет его властью над целостным единством души и тела; дискурс этот – одновременно и тот безмолвный язык, на котором ум общается сам с собой в своей истине» [2, с. 284].

Будучи включенным в социокультурные процессы, дискурс не может быть безразличен к власти и политике. Политический дискурс предписывает соответствующие типу общества действия. Слово в политике всегда было реальным инструментом политического воздействия, хотя, как правило, не отражает объективные естественные процессы, а имеет свое собственное ценностное содержание. Так согласно Р. Барту «власть... гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия», а по утверждению Фуко: «дискурсы ... раз и навсегда подчинены власти или настроены против нее», поэтому в демонстрируемой сознанием «воле к знанию» слышится отголосок господства «тотализирующих дискурсов».

Интересными, с точки зрения семиотического анализа, являются такие политические термины как «правые» и «левые». Они выражают крайние позиции в спектре политических сил: правые – это консервативно-охранительные, а левые – преобразующе-радикальные. Историческое происхождение терминов относится к восемнадцатому веку и связано с размещением членов Учредительного собрания времен Великой французской революции. Сторонники монархии, депутаты консервативного толка, расположились в зале заседаний справа от председательствующего, а радикально настроенные буржуа и «третье сословие» – слева. Эти термины «прижились», стали значимыми символами политических баталий и активно используются и в настоящее время при характеристике политических партий, общественных движений, ориентации тех или иных изданий, программ средств массовой информации, а также политических убеждений и позиций любой личности. Однако прошедшие века абсолютно изменили политический смысл этих терминов. Современные «правые», например, прямые потомки прежде либерально-буржуазного «левого» направления. Разница между двумя направлениями политической поляризации уже не столь явная. Она выражается в основном в отношении к социально-экономическим вопросам: «левые» выступают за увеличение расходов государства на социальные программы и социальную помощь, а «правые» за расширение рыночных основ экономики и сокращение налогов на бизнес. Как правило, победа левой оппозиции в той или иной стране вынуждает силы, ставшие у власти, занимать центристские позиции, что способствует их дифференциации и выделению нового левого крыла. В свою очередь, победившие консервативно-охранительные, правые силы, учитывая давление левой оппозиции, вынуждены склоняться к правоцентристской позиции, что способствует формированию в их среде новых праворадикальных течений. Таким образом, термины «правый» и «левый» эволюционируют и получают содержательное наполнение непосредственно «встраиваясь» в конкретную политическую ситуацию. Тем более, общей основой мировоззренческой позиции для любой современной партии в рамках западной политической системы является опора на ценности гражданского общества.

Политическая нестабильность и активные реформационные процессы в государствах об-

разованных после распада СССР внесли еще большую путаницу в понимание и интерпретацию «правых» и «левых» сил. В годы перестройки, в 90-е годы именно сторонники рыночных преобразований и демократизации общества позиционировали себя как «левое» политическое крыло. А «правыми» были сторонники сохранения коммунистической идеологии. В настоящее время акценты вновь сместились, поэтому неудивительно, что современный электорат давно запутался в возможных смыслах политической терминологии и действует, опираясь на собственную логику.

Видимо следует учитывать, что символизм левого и правого носит древний и универсальный характер. Левый и правый – одно из главных противопоставлений уже в древних мифологиях. Для большинства мифов характерно использование признака «левый» в значении отрицательного. К примеру, стоит вспомнить, что согласно славянским поверьям, отраженным в сказках и приметах, левая сторона – область нечистой силы, поэтому в целях защиты следует «плюнуть через левое плечо». «Левое» в мифах связано с неправотой и загробным наказанием, а «правое» всегда трактуется в положительном значении. Так как мифический дискурс дает оценки определенным действиям, важно на распутье выбрать: «налево пойти или направо».

Различение левого и правого ранее всего обнаруживается в древнеегипетских священных текстах, далее продолжается в библейской традиции и отражается в новое время [3, с. 43].

Наконец, нельзя забывать о различии левой и правой руки, имеющем несомненную биологическую основу и являющимся существенным и важным для практической деятельности каждого человека. Исследователи мифов полагают, что именно это различие воспроизводится в мифологических системах как различие «левых» (чаще всего неблагоприятных или необычных) и «правых» явлений. Позднее этот дуализм проявляется в средневековой алхимии, медицине и, наконец, в политическом дискурсе новоевропейской политики.

Можно говорить и о существовании современной социальной мифологии. В отличие от архаического мифа современные политические мифы актуальны, конкретны и характерны для реального времени и его запросов. Так как миф становится достоянием общественного сознания, то он формирует определенное мироощущение, психологические и идеологические установки. Вспомним, например, знаменитые слова И.В. Сталина: «Наше дело правое – мы победим!» Мифический дискурс в политике соединяет действительность с вымыслом, порождает героические образы неблагоприятных политиков, легенды о славном прошлом или «светлом» будущем и многое другое.

Таким образом, с самого рождения, на протяжении всей своей жизни, каждый день с утра и до вечера, индивид находится под непрерывным давлением символов-слов, символов-фраз – без них люди порой не мыслят достижения поставленных целей. Сознательное отношение к дискурсивным типам, их функциям и использованию должно помочь человеку избежать манипуляций со стороны других и уберечь автономию своего сознания и поведения.

Литература

1. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.
2. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. – М., 2010.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. – Т. 2.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС XXI ВЕКА: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

А.С. Свирид

Сложность современного социума, транзитивность многих его состояний, неустойчивость, непредсказуемость социальных процессов порождают потребность в философском переосмыслении таких проблем социальной действительности, которые непосредственно соотносятся с фундаментальными проблемами социального бытия и раскрывают всю сложность отношений между человеком, миром природы и обществом. В рамках современного социально-